

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Собрании игуменов и игумений монастырей Русской Православной Церкви

23 сентября 2026 года в Москве состоялось Собрание игуменов и игумений монастырей Русской Православной Церкви. С основным докладом на заседании выступил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Преосвященные владыки! Всечестные отцы, матушки игумении! Дорогие братья и сестры!

Хотел бы начать с того, чтобы сердечно всех поприветствовать и выразить благодарение Господу за то, что у нас есть возможность регулярно встречаться, чтобы обсуждать важные вопросы устроения монашеской жизни в нашей Церкви. Когда взираю на зал, наполненный людьми, которые несут ответственность за монашескую жизнь, понимаю, насколько изменилось все, что касается общественного положения нашей Церкви.

Я застал еще те времена, когда представить было невозможно, чтобы в таком зале, в Храме Христа Спасителя, могли встретиться все те, кто несет ответственность за монашескую жизнь. Тогда правители, которые имели власть в нашей стране, ставили совершенно конкретные временные рамки, за которыми уже не должно было быть никакой религиозной жизни. Тем не менее, Русская Церковь существует, живет, развивается. Развивается, в том числе, очень важная составляющая нашей церковной жизни — монашеская община.

Еще раз всех вас сердечно приветствую и выражаю радость по поводу возможности видеть вас, а потом и услышать тех, кто будет выступать.

На наших региональных встречах, братских и сестрических беседах практически всегда поднимается тема сохранения монашеских идеалов в условиях современности. Это правильно, потому что общественный, политический, культурный контекст не является благоприятным для монашеской жизни.

В нашей стране нет гонений ни на Церковь, ни на монашество, но культура жизни такова, что монашеские обеты, монашеская аскеза представляются чем-то инородным по отношению к тому, как живут все остальные, хотя многие являются православными: в храмы ходят, молятся.

К счастью, в последнее время все действительно очень значительно изменилось в лучшую сторону, но монашеская жизнь — это нечто особенное. Конечно, она связана с монастырями, но появляется все больше монахов и монахинь, которые несут различные церковные послушания, живя вне монастырей, в своих общинах. Все это является свидетельством перемен, связанных со временем, но перед церковным руководством, перед руководством монашеским ставит многие задачи и бросает многие вызовы. Среди этих задач есть такие, что требуют напряжения, внимания, и даже духовного подвига.

Если кратко выделить темы, которые обычно поднимаются на наших встречах, то это прежде всего тема сохранения монашеских идеалов в условиях современности. Жизнь все время меняется, а монашеские идеалы остаются: сколько тысячелетий монашеству, столько времени сохраняются эти идеалы. А различные жизненные условия либо более или менее нейтральны по отношению к исполнению этих идеалов, либо, как это было в дореволюционные времена, содействуют достижению этих идеалов, либо,

нередко, создают трудности для следования этим идеалам (что имеет место в настоящую эпоху).

Это, конечно, объяснимо, потому что мир живет по своим законам. Эти законы расходятся с заповедями, которые Господь дал всем нам, и с теми внутренними церковными установлениями, которыми живет монашество. Поэтому нужно помнить, что этот не очень благоприятный для монашеской жизни внешний контекст не может не влиять на монашескую жизнь. Сегодня он с определенной силой и настойчивостью проникает сквозь стены обителей, входит во внутреннюю жизнь монашествующих. Входит, в первую очередь через такие средства, как интернет, выражаясь в бесконечном потоке информации, от которого нельзя отгородиться — такова сегодня жизнь.

Ради справедливости следует признать, что без средств коммуникации монастырь как организация обойтись уже не может. Тем не менее, даже в таких непростых для сохранения монашеской аскезы условиях наша задача состоит в том, чтобы сохранять внутренний мир, совершать подвиг самоограничения и воздержания, ограждать ум и сердце от соблазнов, сберегая тем самым монашеский дух и спасая свою бессмертную душу. Орудием для этого является верность обетам, приносимым при монашеском постриге. Если нарушаются обеты, то разрушается всякая возможность и способность жить по тем святоотеческим указаниям и той православной традиции, которая формирует монашескую жизнь.

Знаю, что рассуждения об исполнении монашеских обетов в современных условиях были темой сообщений и дискуссий на региональных круглых столах, проходивших в этом году в епархиях, расположенных на территории всех федеральных округов. Итоги этих встреч в очередной раз подтвердили очевидную истину: и обеты, и сама монашеская жизнь по своей сути неизменны. Отречение от мира, целомудрие, послушание, нестяжание, подвижнический дух — все это должно сохраняться в монашестве, несмотря ни на какие вызовы времени.

Каждый монах, принося обеты во время пострига, произносит важнейшие слова этого чина — «от своего произволения». Не насильно и не извне возлагаются на человека обеты, но принимаются волею от сердца и, конечно, с любовью ко Господу и Спасителю и готовностью пойти по тому пути, по которому большинство людей не идет — пути, который помогает человеку, вставшему на него, приблизиться ко Господу, если он только в какой-то момент от этого пути не отказывается.

Дав обеты, постригаемый или постригаемая не просто правильно отвечают на вопросы чинопоследования, но входят в иную духовную реальность. Произнеся эти слова однажды, монашествующий всю дальнейшую жизнь либо стремится исполнить их, преодолевая греховные склонности и облекаясь в добродетели, либо отступает от своего монашеского призвания и впадает в нерадение.

Весьма полезно периодически перечитывать последование пострига, пытаюсь заново осмыслить каждое слово, обновляя в себе ту ревность, решимость и любовь к Богу, которыми наполняются сердца в таинственный момент принятия ангельского образа.

Давайте обратим внимание на внутреннее значение главных монашеских обетов, как это изложено в «Положении о монастырях и монашествующих» — основном документе, который регламентирует современную монашескую жизнь.

«Жизнь в целомудрии предполагает не только телесную чистоту, но и чистоту души, которая открывает монаху путь к сердечному познанию Бога»[1]. Секулярному миру понятия «целомудрия» и «благоговения», прямо скажем, представляются устаревшими, странными и непонятными. Однако именно эти качества сохраняют монаха от разрушительного действия страстей и дают возможность реального Богообщения.

«Обет нестяжания приносится монахами ради того, чтобы искоренить из сердца сребролюбие, обрести свободу духа и беспристрастность к земным вещам»[2]. Это необходимо для того, чтобы, отказавшись от многого, обеспечить себя правильными духовными условиями жизни, дабы следовать за Господом.

Весьма печально, если в обители ослабевают эти стремления, эти принципы. Небрежение в следовании принципу нестяжания обессиливает монаха, лишая его дерзновения в молитве, и компрометирует монашескую жизнь перед

людьми светскими. Не может монах своим образом жизни создавать сомнения у людей в том, что институт монашества формируется благим произволением тех, кто вступает в монашество и что он не связан ни с какими карьерными соображениями. Образ жизни монаха должен соответствовать в первую очередь традициям, которые заложены в институт монашества (уже на протяжении тысячелетий существуют эти условия), и, конечно, зависит во многом от духовного расположения монашествующего.

Вместе с тем, настоятель обязан обеспечить насельников необходимыми для жизни вещами: добротной одеждой, надлежащими лекарствами, питанием, соответствующим уставу, но содержащим необходимые ингредиенты для поддержания сил.

«Исполнение обета послушания заключается в отсечении своей воли и следовании воле Божией, которая открывается монашествующему через добровольное и смиренное послушание игумену и всей братии»[3].

Сегодня мне хотелось бы особо сказать о послушании как об основе церковного единства и неперемennого условия для спасения душ тех, кто встал на путь монашеской жизни и монашеского служения. Послушание — это не просто некое условие общежительной жизни, это то, что скрепляет единство Церкви. Послушание должно распространяться не только на монашествующих, но на всех членов Церкви. И если это послушание девальвируется, разрушается, то ослабевают силы, которые соединяют всех нас во единое Тело, в Церковь Христову.

Созидавая послушанием, смирением и любовью единомыслие и единодушие в своих обителях, каждая из которых является малой Церковью, монашествующие тем самым укрепляют всю Церковь. И над этим должны трудиться игумены и игумении, а также рядовые насельники и насельницы, содействующие монастыри школами святости и образцами церковного единства.

Церковное единство не может основываться лишь на одних внешних организационных структурах, хотя такие структуры, конечно, тоже важны. Но еще важнее — единство воли, общее устремление к Богу и преданность Христу. Потому что без послушания единство становится лишь видимостью, и по-настоящему, в реальности, все живут по-своему: внешне существует институт послушания, а на уровне жизни не всегда таковое послушание действительно имеет место.

Если взглянуть на историю Церкви, то все церковные разделения — от малых ссор в монастыре до великих расколов — имеют один корень: гордость, желание человека поступать по своей воле, утверждать свою правду, прокладывать свой путь вместо того, чтобы, следуя евангельскому призыву, отвергнуться себя, возлюбив Бога и ближнего (Мф. 16:24; Мф. 22:37-40).

История Церкви испещрена катастрофами, которые мы называем расколами и ересями. Все, что разделяет Церковь, ослабляет ее и лишает людей возможности идти по пути спасения. Святые отцы настоятельно предостерегали нас от такого состояния. «Если кто не повинуется Церкви, если кто отделился от Церкви, если кто раскольник, то, сколько бы он ни клал поклонов, сколько бы ни постился, сколько бы ни молился, ему не спастись... Без смирения невозможно быть учеником Христовым... Без послушания Церкви нет смирения; без смирения нет спасения», — это слова святителя Игнатия (Брянчанинова)[4]. Монаху особенно важно напоминать себе об этом. Если брат или сестра нарушает послушание в малом, спорит с игуменом или игуменией, осуждает решения Священноначалия, в том числе и монастырского начальства, и не кается, то не будет слушаться и в бóльшем, а в конце концов может пренебречь и послушанием всей Церкви.

Если вспомнить историю Церкви, то очень многие ереси и расколы инициировались монашествующими, а не священниками. Монахи в своей ревности, иногда впадая в гордыню, становились основателями расколов. Это было в далеком прошлом, мы это знаем из учебников церковной истории. Но, если повнимательнее посмотреть на нашу жизнь, то нередко непослушание архиерею, самоволие проистекает не от людей не очень церковных, но порой самых что ни на есть церковных. Потому что иногда голова кружится от того, что человек осознает себя старцем или старицей. Ему кажется, что все, что он говорит, — это неременная правда. А если его кто-то начинает корректировать, включая архиерея, то такие люди начинают думать, что архиерей плохой, что он не понимает того, что является сутью и монашеской, и церковной жизни. Очень важно, чтобы аскетизм не приводил нас к таким заблуждениям.

Подвиг духовный не может быть только подвигом материальным, то есть выражающимся в отказе от соответствующей пищи, ограничении своего передвижения, пребывании только в монастыре. Подвиг всегда связан с состоянием души. Нужно самого себя внутри изменить, чтобы исполнять монашеские обеты. Изменить себя не формально, а так, как это чувствует по-настоящему преданный Господу и Церкви монашествующий, потому что без

такой жизни действительно невозможно угодить Богу. Без такой жизни многое другое перестает способствовать спасению и, наоборот, развивает эгоизм, отчужденность от других и превозношение себя над другими.

Часто ли мы задумываемся, что обет послушания — это не только личный подвиг, но и вклад в сохранение целостности Церкви? Ибо как послушание есть основа единства, так осуждение есть начало разделения в Церкви. Осуждение разрушительно для самого осуждающего: ему тяжело от того, что он осуждает, и он уже не может полноценно исполнять свои обязанности, не способен как должно совершать молитвенное и духовное делание.

Ни при каких обстоятельствах не следует сравнивать себя с другими, в том числе в монастыре, с тем чтобы говорить: «Господи, благодарю Тебя, что я не такой, как этот мытарь» (Лк. 18:11). Как только начинается сравнение самого себя с другими, и как только человек проникается опасным внушением, что его образ жизни, его поведение в монастыре и все прочее отличает его от других в лучшую сторону, то начинаются духовные проблемы. Потому что самое главное и самое трудное, к чему призывается монашествующий, — это смирение. Смирение труднее молитвы, труднее поста (причем не внешнее смирение, такая елейность, как иногда бывает: «благословите», «простите» и все прочее), а смирение настоящее — осознание того, что ты хуже других, а не лучше.

Издревле, монашеские киновии являли пример подлинного христианского единства, а монашеская жизнь — подлинный пример смирения и послушания. Уже в первых таких обителях преподобного Пахомия Великого монахи именовались «братьями», а сами обители «братствами»[5]. Это показывает, какое тесное единение между собой имели насельники общежительных монастырей. Святитель Василий Великий, посещавший в молодости египетские монашеские обители, с вдохновением писал: «Что сравнится с сим житием? ... Что совершеннее такой близости и такого единения? ... Люди, собравшиеся из разных народов и стран, достигли такого совершенного тождества, что во многих телах видится одна душа, и многие тела оказываются орудиями одной воли»[6].

Сегодня мы имеем свидетельства, в том числе от наших игуменов и игумений, посещающих современные египетские монастыри, о процветании коптских монашеских общин, о многочисленных братствах, живущих в любви и единомыслии. При том, что в середине XX столетия монашество в Египте переживало серьезный упадок: на всю страну оставалось только восемь монастырей и 206 монахов, и практически никто не шел в монастыри.

Возрождение монашеской жизни в Египте, начавшееся с конца 60-х годов XX века, плоды которого мы видим сегодня, во многом обусловлено именно возвращением к принципам, заложенным святыми отцами — основоположниками монашеского жителства III-IV веков.

Появились действительно ревностные монашествующие, которые сказали: «Не хотим, чтобы было так, как сейчас, когда монастырь становится местом для неких привилегированных групп, которые считают себя духовно выше других. Хотим подвига, хотим уединения». Такие братья уходили в пустыню, создавали свои небольшие монашеские группы, которые в итоге привели к обновлению, к расцвету монашеского жития.

Этот феномен заслуживает особого внимания и тщательного изучения. Отрадно, что в ходе XXXIV Международных Рождественских образовательных чтений в январе этого года работала секция, посвященная наследию египетских отцов — родоначальников монашества, с участием представителей Коптской Церкви, позволившая по-новому взглянуть на практическое значение древних традиций для современного монашества. Какой вывод можно извлечь из опыта такого общения? Если возрождение истинной монашеской жизни и любви к монашеству на фундаменте древних традиций оказалось возможным для египетских христиан, то почему оно невозможно и для нас?

Каким же образом достигается в монашеском общежитии единодушие и братская любовь? Конечно, это происходит не просто потому, что люди собрались в одном месте и живут по одному расписанию и порядку. Важным скрепляющим фактором монашеского братства является духовный авторитет игумена. Многие объединяются в общину вокруг таких людей.

Преподобный Сергей Радонежский, полагая начало своей обители, именно духом любви и единения привлекал людей и приводил их к Богу. Только этот дух любви и единения может укрепить людей, которые собираются вместе для того, чтобы осуществлять монашеское поприще. В его общине, как читаем в житии, «царило полное единодушие и братская любовь; каждый готов был, если бы оказалось нужным, пожертвовать самой жизнью, не говоря уже об удобствах, для сохранения мира и спокойствия остальных братьев»[7].

Послушание устраняет глубинные причины разделений: самолюбие, стремление во всем искать личную выгоду, отстаивать собственное мнение как единственно правильное. Послушание утверждает в душах смирение и

готовность услышать друг друга. Если в монастыре есть послушание, тогда он живет как единый организм; если послушание ослабевает, то распадается и монашеская община. Послушание — это не просто какая-то тягость, приложение к другим, более важным обстоятельствам монашеской жизни, но это самая сердцевина монашеского бытия. Разрушается послушание — разрушается монашеский образ жизни.

Важно, чтобы послушание воспринималось не как тягостное исполнение обязанностей, а как дело веры и любви. Я слушаюсь игумена не потому, что это приказ, не потому, что, если не буду слушаться, то у меня возникнут какие-то проблемы, а потому, что я действительно доверяю игумену или игумении, люблю их по-братски, по-сестрински, и поэтому мой язык не способен произносить слова, которые подрывают авторитет игумена или игумении и разрушают ткань братских отношений.

Я неоднократно говорил и сегодня вновь прошу вас, дорогие отцы и матушки: не пренебрегайте своими главнейшими обязанностями — находите время и возможность общаться с вашими братьями и сестрами, обращая к ним слова поддержки, утешения, пусть самые простые, но проникнутые живым участием. Иногда такая беседа игумена или игумении с братьями или сестрами, такое доброе слово со стороны тех, кто возглавляет обители, помогает преодолеть кризисы, время от времени возникающие в душе монашествующего. Если игумен или игумения видят, что что-то происходит с душой брата или сестры, важно не пройти мимо, а пригласить к себе, побеседовать, порасспрашивать. Если в таком добром общении раскроется душа человека, который скорбит, то это может помочь выйти из кризиса, который нередко завершается тем, что человек покидает монастырь или вообще с озлоблением уходит из церковной жизни.

Конечно, монах, который понимает всю глубину и подлинный смысл послушания, созидającego церковное единство, и являет его в своей ежедневной жизни, не только сам преуспевает, но и становится настоящей опорой для игумена и всего братства, принося большую пользу всей Церкви.

Послушание, еще раз хочу сказать, — это не фактор, который ограничивает нас, который иногда вызывает раздражение, усталость, желание куда-то уйти или что-то сделать вопреки. Послушание — это неременное условие монашеского общежития. И воспринимать это нужно не как тягость, а как неременное условие. Как без соответствующего образования человек не может быть, например, инженером, так не может монах быть без послушания. Как только послушание пресекается или вызывает у

монашествующего внутренние отрицательные чувства по отношению к тому, кого надо слушать, то такому монашествующему следует очень серьезно подумать о себе и, может быть, обратиться к духовнику.

Неспособность слушать и подчиняться разрушает монашескую жизнь. Вдруг возникают какие-то псевдостарцы в той или иной обители, которые претендуют на лидерство, привлекают к себе монашествующих, чтобы в келье поговорить. Если это ослабляет авторитет игумена или игумении, то это нехорошо, неправильно и опасно, потому что в монастыре должно быть единоначалие. А уж как игумен или игумения распорядятся этим авторитетом, от этого будет зависеть не только устройство монашеской жизни, но и ответ на Страшном Суде. Потому что, если берешь на себя ответственность за жизнь других людей, то игумен или игумения должны делать все для того, чтобы обеспечить духовно здоровый образ жизни своей монашеской общины. При этом нужно, конечно, помнить, что без доброго расположения игумена или игумении к своим братьям и сестрам этого достичь невозможно.

Игумены и игумении, при том, что они не могут игнорировать обязательства по сохранению монашеской общины, которые они несут перед Церковью, и которые, несомненно, требуют послушания им со стороны братства и сестричества, ни в коем случае не должны забывать о том, что они такие же, как и все остальные, а игуменство — это не привилегия, а крест. Это особое, повышенное обязательство к себе как к монаху в отношении образа своей собственной жизни. Если требуешь аскезы, ты должен быть первым аскетом; если требуешь, чтобы какое-то время проходило в молитвенном уединении, первый должен подавать такой пример — только тогда будешь духовным отцом или духовной матерью. А если вместо личного примера только проявляешь властные полномочия, то перестаешь быть отцом или матерью и можешь быть подвергнут реальной критике со стороны монашествующих.

Ответственность, которая лежит на игуменах и игумениях, очень велика. Особенно в наше время, когда ослабевает призвание к монастырской жизни, виной чему — общее развитие современной цивилизации. Есть много всего, что может иметь и чему может радоваться современный человек в своей жизни. Нет нищеты, как это было еще в советское время, нет серости жизни, все достаточно комфортно, удобно. Люди стали больше жить для себя, материально удовлетворительно. Но то, что условия жизни изменились в лучшую сторону, не должно влиять на изменение основных духовных принципов монастырской жизни, и в том числе великой ответственности,

которую несет за своих братьев или сестер игумен или игумения.

Когда игумен или игумения видит, что что-то не совсем правильно в жизни монаха или монахини, и если эта неправильность связана с критикой в адрес игумена или игумении, с несогласием с действиями игумена или игумении, не надо идти на поводу (потому что бывают разные причины), но это повод задуматься о себе самом: все ли я правильно делаю, почему это произошло?

Духовная атмосфера наших монастырей, созидание подлинного братства и сестричества не зависят от одного человека — игумена или игумении, — но включают в себя ответственность всех, в том числе послушников, послушниц, монахов и монахинь. Потому что только все вместе могут созидать те духовные условия жизни, которые помогают людям, пришедшим в монастырь, приблизиться к Царствию Божию.

Благодарю вас за внимание.

[1] Положение о монастырях и монашествующих. 2.2.

[2] Положение о монастырях и монашествующих. 2.2.

[3] Положение о монастырях и монашествующих. 2.2.

[4] Игнатий (Брянчанинов), свт. Поучение к простому народу при посещении епархии. О спасении.

[5] Хосроев А.Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб; Кишинев; Париж, 2004. С. 208, 416.

[6] Подвижнические уставы подвижащимся в общежитии и отшельничестве. Глава 18. К соблюдающим подвижническое правило в общежитии.

[7] Никон (Рождественский), архиеп. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергий, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Глава VIII.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Фото: Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

patriarchia.ru